

В.Ю.Бекетов (1945 - 2006)

БЛИКИ

ОЗЕРО. ПОЛНОЧЬ

Как всегда -
ничего не запомнится,
лишь останутся блики.
И ничем не заполнится
пустота -
как всегда.
Молчаливый, безликий,
под эгидой суровых небес,
встанет лес
во весь рост -
вертикалью застывших вод.
Хоровод
сумасшедших звезд
вдруг обрушится и растает.
Ничего по себе не оставит
этот миг откровенья,
пока достижимый,
уже неблизкий -
только блики...

...И слово неизбежное "пора!"
Взметнуло самолет.
Он пятнышком хрустальным
Завис.

Тугая нить на светлом и печальном -
Как тонкий росчерк острого пера
И как разбег перед полетом дальним.

...Но комары под светом на снегу
Сухой, нелипкий снег в тяжелый камень слепят.
И с воем пролетит состав: "Мм-агу-уу!" -
Мученье!.. И смешной, нелепый лепет.

Январь 68. Переделкино

ОЖИДАНИЕ

В полосе напряженного гуда
Мне себя на покой не обречь.
Как залогом возможного чуда
Я живу ожиданием встреч.

И покуда дышать дано мне,
В каждом дне вероятность есть
Обгорелой спичкой номер
Телефона в блокнот занести.

На платформе ранний снег,
Чистый, хороший.
На платформе человек
Бродит по пороше:

Сигарету не зажжет,
Не обломит спичку,
Ходит по снегу и ждет
Электричку.

В проводах гудит, гудит,
Вовек не согреться,
Долго человек глядит
Под ноги, на рельсы.

Застывает тихий вздох
В легкий пар. И вот он -
Тот пронзительный свисток
Из-за поворота...

Человек-в пустой вагон,
Поезд улетает.
На платформе снежком
След замечает.

17 октября 1970 - П.-Стрешнево

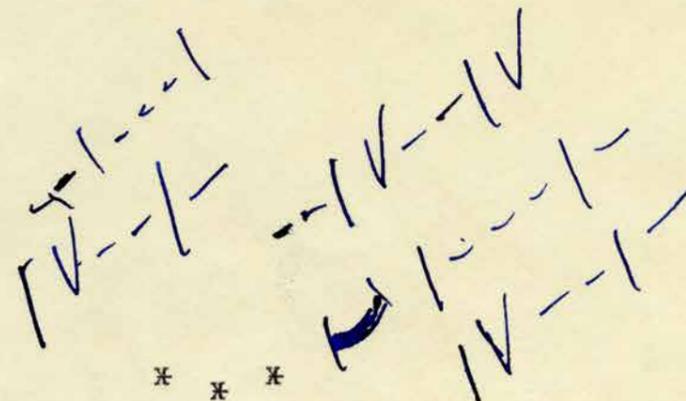
УСТЬЕ ВЕЛЬГИ

В вечерний час - ни ветерка,
ни щебетанья.
В моем ведре два окунька
вверх животами.
Густой туман таит беду,
и я смиренно
по пояс в нем и по колено
в росе бреду.
И тонкий месяц надо мной
едва белеет.
Наверно, я приду домой
и заболею...
Сухим серебряным блистаньем
зовет река.
В моем ведре два окунька
вверх животами.

ВОРОБЬИ

Ох, лихие нынче, суматошные,
Под ноги суются от отчаяния,
Норовят поближе, где лотошницы
Теплыми торгуют калачами.

Стало бы им рисковать по мелочи,
Да живот свело, что нету мочи!..
Может, бросит кус вон тот, помешанный,
Что в перчатках пишет и бормочет.

На мосту у Беговой -
лютый ветрило,
и чугунные дрожат *и звенят, и шуршат*
и гудят перила. *чугунные перила*

~~Где-то праздники кипят,
пляшут, флаги плещут...~~

На мосту у Беговой
ветер хлеще.

Под мостом у Беговой
паровоз старый,
да застыли на путях
снежные составы,
да коряги торчат мёрзлые,
да колеса молчат ~~вмёртвев~~.

х х х

Освободиться
от оков
в такую пустоту,
где нет ни хлеба, ни стихов,
ни мудрецов, ни простаков.

Куда?
неведомо куда,
но раствориться
на лету
и навсегда!

Нам от счастья достаются только крохи.
Наплевать на счастье, дело ведь не в том.
Дело в том, что вдалеке от суматохи
Одинокий в глухомани спрятан дом.

Там лежат в печи сосновые поленья,
Сени новые, кленовые, навек.
В пыльных банках земляничное варенье.
И такая, знаешь, лесенка наверх.

Под застрехою ~~же~~ сидит ночная птица.
В окнах маленьких не стекла, а слюда.
У крылечка снег под звездами искрится,
А по снегу - ни тропинки, ни следа.

Лес стоит непроходимый и суровый,
В самом сердце дом ~~быв~~ бревенчатый храня.
И стоят на страже древние сугробы.
В этом доме днем и ночью ждут меня.

х х х

Густая, непонятная трава:
Лохмотья листьев, серьги золотые...
Для сочетания такого и в латыни,
Наверное, нет слова...

Но права
Природа. Путь ее неведом,
но пружинист
И гибок ум ее, свободный и живой...
И пчелы изумленные кружились,
Кружились над невиданной травой.

х х х

Опять, как в детстве, убегу из дому,
Заросшею тропинкою приду
К заброшенному старому пруду,
В июльскую вечернюю истому.

Здесь все по-прежнему, и как тогда,
В мой самый первый раз, все та же ива
Глядит в пустое зеркало тоскливо,
Но ряскою затянута вода.

Черемуху, от корня до макушки,
Обвила хмеля дикая лоза.
Откинувшись и закатив глаза,
Самозабвенно голоса лягушки

О том, что, слава богу, не погряз ты
В миру, что отпустила суета,
Что сказка не окончена, и та,
Все та же тайна спрятана под ряской.

ж ж ж

...Еще один старинный дом
вернулся во младенчество свое:
пал грудой кирпичей, освободив
клочок земли, завидное пространство
поближе к сердцу города. И скоро
растащат его темные останки
с кусками тайной крепости раствора,
мечтающими вновь соединиться
в божественное чудо...

Но нет чудес, и мертв чудесный зодчий,
и самые подробнейшие планы
уже не восстановят красоты,
как не вернут и рук, ее создавших.
А на пустых квадратных метрах
уже растет его уродливый собрат,
дитя практического века -
тупой и скучный параллелепипед...
Тяжелой, полновесною монетой
расплачиваться будем за убийства.

Ноябрь 1970

ж ж ж

Я твердо знаю - непреложное

Свершится в срок, ну а пока

Страницы книги переложены

Полосками черновика.

И днями, и ночами,
Четвертый день подряд
Качает, качает,
И качке нет конца.

В своем стихия праве
И ныне, как вчера,
За борт матросы травят,
Вцепившись в леера

Годами и веками,
Над всеми морями
Качает, качает,
И качке нет конца.

Секунда промежутка,
И снова - вместе с ней,
Паденье это жутко,
Но взлет еще страшней.

В надежде и отчаяньи,
И в крике и в молчании
Качает качает
И качке нет конца.

МЕДЛЕННЫЙ СЕМЕЙНЫЙ ВАЛЬС

Милая моя, бедная,
вечно одно и то ж:
вечно я где-то бегаю,
ты меня вечно ждешь.

Это ведь стародавнее,
знаем всё наизусть:
знаю твоё страдание,
знаешь ты мою грусть.

Ты улыбнешься ласково:
"Ты ведь такой гобсек -
латанный, перелатанный,
спрятанный ото всех.

Я ведь не исключение.
Стоит переживать?!
Мне ведь твое мучение
надо пережевать.

Щедрый ведь и богатый ты,
ты же ведь просто Крез...
Вечно одни покатоги,
это ведь просто крест.

Надо ведь не разбить тебя,
трудно тебя дарить...
Вечно ведь мне любить тебя,
вечно благодарить!"

Мне тогда всего двенадцать было.
Из цветного, дивного стекла
Появилась, властно поманила
По щеке ладонью провела.

И проговорила: Ты мне нужен,
Не ищи других, теперь ты –мой.
Будешь сильным, милый, станешь мужем,
Уведу тебя к себе домой.

Я сжимал отравленные стрелы,
Те, что мой товарищ мастерит,
А она так ласково смотрела,
Обнимая деревянный щит.

Радуйся, счастливый! Пой ягненок!
И ты не предашь вовек мечты.
Ну, а луч от лезвия так тонок,
Что его и не заметишь ты.

Т.П.

Над лоном вод тяжелый свод,
Рука моя тверда.
Который год меня зовет
Печальная звезда.

Когда отпустит суета,
и станет мир широк,
меня к тебе, меня туда
не пустят на порог.

Я все стихи – к твоим ногам,
навыворот тайник.
Кто мне мешал, кто помогал -
что мне теперь до них.

Останься же, не покидай,
пребудь вовек такой,
возьми мое, а мне хоть дай
надежду на покой...

Когда отпустит суета,
и станет мир широк,
меня, наверное, тогда
прогонят за порог.

СЧИТАЛКА-СКОРОГОВОРКА

Чок - чок - чок!

Нашёл червячок пяточок,
Зажал пяточок в кулачок
- и молчок!

Но пришел светлячок-старичок

И сказал: "Дурачок-дурачок!

Вон паучок-простачок

Вывесил пряжи пучок".

Дал червячок паучку пяточок,

А паучок червячку дал пучок.

Влез червячок на сучок,

Замотался в пучок червячок...

Чок - чок...

чка!

Из пучка вместо червячка

Появляется ба-

бо-

чка!

КУЗНЕЧИК

Простите, дорогой Кузнечик,
что я Вас оторвал от дел,
но я не думал Вас обидеть -
я познакомиться хотел.

Уже сентябрь, а это значит,
что насекомым время спать,
а также значит, что нескоро
мы с Вами встретимся опять...

Но Вы торопитесь, я вижу,
спешите к детям и жене...
Прощайте, дорогой Кузнечик!
Привет семье! Поклон родне!

29 декабря 1977

СЧИТАЛКА

В километре - тыща метров,

Миллиметров - миллион.

Кто не верит - тот остался,

Кто поверил - вышел вон!

ПРО НАРУШИТЕЛЯ ПРАВИЛ
ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

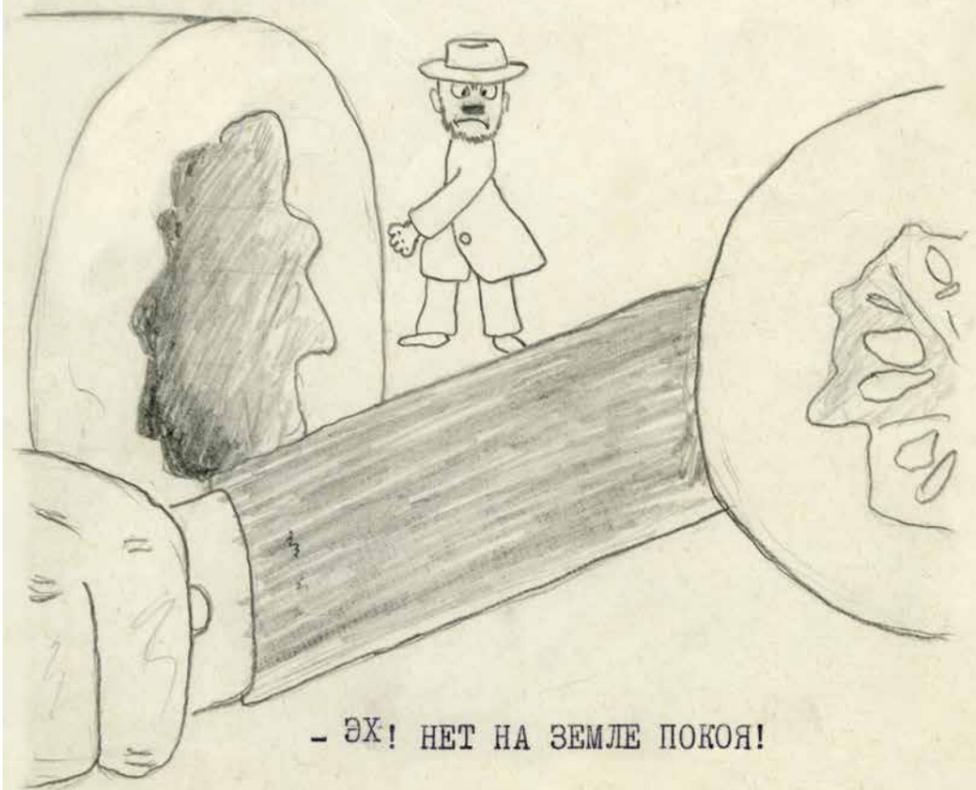
Лес во тьме. Трава в росе.
Под луной блестит шоссе.
Скачет, скачет лягушонок
Вдоль по левой полосе.

Ах, куда из пруда
Скачет маленький чудак?
Хорошо, что в эту пору
Спят шоферы в городах!

II января 1978

КАБАЧОК

Хозяйка купила кабачок. Когда она
разрезала его, оттуда выскочил человек
и закричал:

- ЭХ! НЕТ НА ЗЕМЛЕ ПОКОЯ!

(после Хариса)

* * *

Четыре старухи нашли мухомор.

Одна старуха: Мой!

Другая: Мой! Мой!

Третья: Мой! Мой! Мой!

Четвертая: Мой! Мой! Мой! Мой!

А мне надоело слушать, и я убежал домой!

32 КРИЧАЛА

УЖИН

Ну-ка, кошка, - в сторону!
Поделим ужин поровну:

Раз картошка, два картошка,
Три, четыре, пять картошка
И ещё одна картошка,
А восьмую... съела кошка.

Ишь ты, кошка! Киш ты, кошка!
Потерпи ж ты хоть немножко!
Разве можно, сразу - АМ?!
Давай поделим пополам:

Две, картошки, две картошки
И картошка - будет шесть...

Фу, бессовестная кошка,
Как тебе не стыдно есть!..

Две картошки и картошка -
Значит скоро будет пять,
А шестую...

Снова съела!
Надоело мне считать,
Лучше буду похитрее
И намну себе пюре я!

Раз ложка, два ложка,
Три, четыре, пять ложка,
Ложка шесть, ложка семь,
А восьмую - сам съем!
Сам съем, съем сам,
Ничего тебе не дам!

II января 1978

Эварт МИЛН

АЛМАЗ РЕЖЕТ АЛМАЗ

Две кошки:
На вязе одна,
Другая сидит под.
Кошка под вязом - она,
Кошка, на вязе которая, - кот.
Этот вяз заколдованный, между прочим.
Кошка не видит кота, но и кошки не видит кот:
Кошка смотрит на вяз, а кот кучевых облаков наблюдает полёт.
Всем доводилось когда-то о кошках писать - Олд Поссуму, Йетсу и прочим,
Но ни По, ни Мюссе, ни лорд Теннисон не написали ни строчки
О кошке одной, что на вязе сидит, и о другой, что под.
Бог знает, зачем это дело возложено на меня.
Да и кошки как кошки... Вот разве
Эта кошка, которая под,
И та, которая на
Заколдованном
Вязе.

(9 июня 1976)

То ли сосны, то ли ели,
То ли рябь, то ли сон...
Под корягой еле-еле
Шевелит усами сом.

День осенний, короткий,
Просто сень над рекой.
И не хочется на лодке
Нарушать такой покой.
1999

Малатон и Редрик

В маленьком-маленьком городе
На узенькой-узенькой улице
В крошечном-крошечном домике
Огромный жил Малатон.

В огромном-огромном городе
На широкой-широкой улице
В большом - пребольшом домище
Маленький Редрик жил.

Плохо жилось Редрику
В огромном-огромном городе:
Ему приходилось бегать.
Чтобы везде успеть.

Хуже того было
Огромному Малатону:
Ему приходилось ползать,
Чтоб ничего не сломать.

Попал Малатон однажды
В огромный-огромный город,
И так ему там понравилось,
Что он не вернулся домой.

А маленький Редрик чудом
Очутился в игрушечном домике
И про большой домище
Он вспоминать не хотел!

Прошло три тысячи лет -
И полз Малатон в свой город,
А Редрик ему навстречу
В город родной побежал.

И с тех пор Малатон мучается.
И Редрику тоже плохо,
Но ни один не хочет
В городе жить чужом.

Четыре брата.

Где полночная тянется тяжело пора,
Где угрюмая тянется в небо Гора, -
Заколдованно скрыт от завистливых глаз
В неприступной пещере Прекрасный Алмаз.

И однажды четыре братца
Порешили в пещере собраться.
Парадор подарил драгоценный Опал:
Он в заброшенных копиях его откопал -
Чтобы были братья счастливыми,
Любовались его переливами.

И душою прекрасен, и мыслями чист
Магедон из кармана достал Аметист.
Положил перед братьями на пол
И ... заплакал.
Из лохматых лохмотьев, из самых глубин
Фар –Алерно выловил дивный Рубин
И лелеял любимый камень.
И ласково гладил руками.

Арраген из котомки извлек Изумруд
(Этот камень – награда за горестный труд),
Уронил возле ног. Улыбнулся
И от братьев своих отвернулся.

И тогда-то Прекрасный Алмаз задышал
И втянул, перевыплеснул, перемешал,
А своды пещеры при этом
Исполняются искренним светом,
Сполыхают рассечные блики,
Озаряя суровые лики.

И пока эти четверо вместе сидят, -
Не лютует лавина, застыл камнепад,
Вечножгучую жажду огня утоля,
От безумных забот отдыхает Земля,

А Гора расщелиной щерится.
На непрошенных хищно пещерится!
2002

Опал – доброта
Аметист – печаль
Рубин – любовь
Изумруд - страдание

Счастливый день.

О горе, горе! Трулли – Маг
Правый потерял башмак!
Он взбуктетенен, он взбешен,
Он в ярости, он в гневе -
Ведь он сегодня приглашен
На раут к Королеве!!!

Какой конфуз! Какой скандал!
Почтенный Трулли – маг не знал
Такого срама сроду!
Вот королева шлет гонца,
Уже карета у крыльца,
Но нету поиска конца:
Башмак - как канул в воду!

Он простофиля! Он болван!
Он снова лезет под диван,
Он двинул ступкой по стене
(Посыпались орехи),
Досталось детям и жене
За прошлые огрехи!
Пока он так искал башмак, -
Куда-то делся левый...
И Трулли-маг в одних носках
Предстал пред королевой.
Как стыдно Трулли-магу!
Как жаль его, беднягу!
Но тут герольд ему вручил
Солидную Бумагу!

Солидная бумага.

«Поскольку Трулли окружен
Заслуженным почетом,
С сего числа назначен он
Придворным Звездочетом.
А чтоб особо отличить
Заслуги перед троном, -
В Мантанию Мага облачить
И немедленно вручить
Двенадцать пар изящных модных туфель!»

2002